

УДК 343.8

*А.С. Лукомская***КОЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Целью исследования является поиск наиболее перспективного и эффективного подхода предупреждения экологической преступности через изучение понятия и сущности объекта исследования, а также выявление проблем уже существующей системы мер предупреждения экологических преступлений. Отмечается, что необходимо рассматривать человека и природу как взаимообусловленные части одного целого, а их развитие и охрану через коэволюционный подход, в основе которого понимание коэволюции - механизма взаимообусловленных изменений элементов, составляющих развивающуюся целостную систему. Такое концептуальное понимание взаимодействия человека и природы позволит пересмотреть приоритеты экологической политики государства и, следовательно, программ и стратегий, которые в современный период не отвечают коэволюционному подходу. Автор полагает, что именно коэволюционный подход отвечает современным реалиям предупреждения экологической преступности.

Ключевые слова: экологическая преступность, предупреждение экологической преступности, коэволюционный подход.

Современный мир переживает глобальные экологические вызовы человечества: бедность [1], угроза высоких технологий [2], загрязнение окружающей среды, критическое изменение климата [3], нарушение естественного биобаланса живых организмов, истощаемость природных ресурсов [4], ухудшение здоровья людей, демографическая катастрофа, терроризм и др.

Агрессивный научно-технический прогресс, социально-правовая доступность и одновременно высокая ликвидность природных ресурсов, наряду с неэффективностью государственного контроля в области охраны окружающей среды и природопользования, создали идеальные условия для развития одного из самых высоко латентных видов преступности – экопреступности, потенциальными и конкретными жертвами которой становятся десятки миллионов человек, а материальный ущерб исчисляется миллиардами рублей.

Цель настоящего исследования – поиск наиболее перспективного и эффективного подхода к предупреждению экологической преступности. В основе этого поиска – идея Ч. Беккариа о том, что лучше предупреждать преступления, чем наказывать за них, составляющая главную цель эффективно-го законодательства и успешного правотворчества [5]; подход Э. Ферри, по мнению которого перво-степенным и значимым в борьбе с преступностью является общесоциальное предупреждение, осно-ванное на свободном проявлении социологических и психологических законов [6]; убеждения И. Бен-тама, что наказание может быть более эффективным, если учитывается правовая природа общественно опасного деяния [7]. Таким образом, поиск научно обоснованного, перспективного подхода преду-преждения экологической преступности возможен через исследование понятия и сущности объекта исследования, а также выявления проблем уже существующей системы мер предупреждения экологи-ческих преступлений.

Предлагаемые авторитетными учеными и практиками понятия экологической преступности различаются объемом и содержанием, свойствами и признаками [8; 9]

Анализ расположения запретительных уголовно-экологических норм показал их «выход» за пре-делы гл. 26 УК РФ «Экологические преступления», что позволяет выделить их формальные и фактиче-ские границы, очерчивающие группу близких по содержанию, относительно обособленных, но взаимо-связанных по объектам уголовно-правовой охраны норм. Это создает предпосылки для исследования классификации и формирования стройной системы экологических преступлений [10]. Выделенный критерий позволяет рассмотреть экологическую преступность в широком и узком смысле.

В широком смысле под экологической преступностью (экопреступностью) предлагается пони-мать совокупность комплексных экологических преступлений, в которых основной видовой объект сопряжен с альтернативным и дополнительным видовым объектом, а также несколькими непосредст-венными объектами уголовно-правовой охраны. В узком смысле под экологической преступностью предлагается рассматривать совокупность однообъектных экологических преступлений, содержащих один видовой объект и несколько непосредственных объектов уголовно-правовой охраны. При этом,

рассматривая преступное воздействие на конкретный объект уголовно-правовой охраны, необходимо учитывать принцип триединства предмета посягательства, который заключается во взаимобусловленной связи компонентов природной среды, а также объектов собственности хозяйствующих субъектов, человека. Этот принцип содержит в себе свойство многоаспектности и многоуровневости причиняемого экологическим преступлением вреда [10].

Предлагаемый для исследования коэволюционный подход предупреждения экологической преступности должен лежать в основе решения проблем уже существующей на сегодня системы мер, деятельности субъектов уголовно-экологической политики, направленной на выявление, изучение, ограничение или устранение явлений, порождающих совершение экологических преступлений или способствующих увеличению их числа.

Криминологическая характеристика экологической преступности через критерии общественной опасности, социальной обусловленности, системной структурности [11] представляется следующим образом. *Общественная опасность* данного вида преступности выражается в том, что преступлением нарушаются «естественные и неотъемлемые права на жизнь, на благоприятную окружающую среду и др., образующие эколого-правовой статус человека и гражданина. Важнейшими из них являются также право на полную и достоверную информацию о состоянии окружающей среды, право на возмещение ущерба, причиненного экологическим преступлением» [10].

Основным фактором, искажающим реальную общественную опасность экологической преступности, относится ее латентность, а также методологические инструменты формирования статистических данных в системе государственных органов, что непосредственно влияет на представление о действительном состоянии экопреступности, структуре, динамике, величине и характере причиняемого ущерба.

Высокий уровень латентности в качестве основной причины серьезного искажения статистических данных о состоянии экологической преступности отмечают и ученые. М.Ю. Дворецкий и Н.В. Краснослободцева указывают, что по отдельным видам и регионам, по экспертным оценкам, он достигает 95–97 %, в частности, в отношении добычи водных биоресурсов и лесопользования [12], Д.В. Басаев пишет о 70 % [13], С.Г. Дзиконская отмечает уровень латентности «относительно водных биологических и охотничьих ресурсов» 99 % [14]. Л.С. Корнева отмечает, что «уголовные дела, возбужденные за нарушение правил охраны животного мира (ст. 257 УК РФ, в суд не поступают, и можно говорить о недооценке правоприменителем высокой общественной опасности незаконной добычи водных биоресурсов» [15]. В свою очередь А.М. Максимов указывает на эти же проблемы в сфере рыбнадзора и охотничьего хозяйства [16].

Представленные официальной статистикой количественные показатели не соответствуют реальному числу совершенных экологических преступлений, что связано с высоким уровнем «латентности, не выявленных, скрытых от учета преступлений» [17], а также не учитывающих комплексные, многообъектные составы, которые в таком разрезе проанализировать крайне сложно.

Латентность экологической преступности содержит в себе и искусственно созданную составляющую, включающую сообщения об экологических преступлениях, о которых государство в лице конкретных органов знает, которым обязано дать правовую оценку и принять процессуальное решение.

В качестве общих причин искусственной латентности экологической преступности можно назвать следующие: несовершенство процессуального порядка стадии возбуждения уголовного дела; проблемы применения норм, регулирующих ответственность за экологические преступления; отсутствие продуманной системы обеспечения (технического, информационного, кадрового и т.д.) процесса раскрытия и расследования экологических преступлений; влияние коррупциогенных факторов и др.» [10].

Поскольку большинство уголовно-правовых норм об экологических преступлениях имеют отсылочный характер, необходимо отметить, что на практике возникают связанные с этим проблемы квалификации, разграничения смежных составов, уголовно-правовых и административных деяний и др. В этом смысле следует согласиться с результатами исследований ученых о том, что экологическая преступность в том числе формируется из-за несовершенства специальных правил и требований экологического законодательства, то есть законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования. Видные ученые и политики во всем мире единодушны в том, что традиционные модели экологических законов «терпят неудачу» [18–21].

Такая ситуация не позволяет повысить достоверность прогнозов по экологической преступности и сформировать эффективные направления борьбы с ней, что, соответственно, способствует ее

росту. Снижение латентности экологической преступности должно основываться на повышении общего уровня экологического правосознания граждан и совершенствовании норм уголовного и экологического законодательства, механизмов защиты прав потерпевших от экологических преступлений.

В системе мер предупреждения экологической преступности можно выделить мероприятия по общему и частному предупреждению. Уголовно-правовые меры борьбы с экологическими преступлениями представляют собой «выявление и изобличение лиц, совершивших преступление, их наказание, исправление и перевоспитание. Несмотря на то, что уголовно-правовые меры применяются к лицам, уже совершившим преступления, социальное значение этих мер состоит именно в предупреждении преступлений. Установление в законе уголовной ответственности за определенные общественно опасные деяния и реализация этой ответственности в случаях нарушения закона являются особыми формами воздействия не только на совершившего преступление, но и на более широкий круг лиц, которые воспринимают принцип неотвратимости наказания за нарушение требований закона» [22].

Практика назначения наказаний по отдельным составам экологических преступлений свидетельствует о наличии конфликта в реализации уголовно-правового принципа справедливости наказания, что отражается на защите прав потерпевшего от экологического преступления на возмещение вреда, причиненного экологическим преступлением. Требуется пересмотреть концептуальные положения об уголовной ответственности за совершение экологических преступлений.

Экологическая преступность имеет социальную обусловленность. Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума растет¹. Политическая нестабильность, растущие потребности в расширении промышленного производства, низкий уровень жизни людей, – всё это обуславливает высокие риски и ухудшает качество окружающей среды. В зоне экологического неблагополучия находится 40% территории России, где проживает более 60% населения государства. Причиной тому такие виды загрязнения, как радиационное, химическое, вредными промышленными и бытовыми отходами, загрязнение токсичными веществами водных и воздушных пространств.

К количественным показателям экологической преступности относят ее состояние и динамику, к качественным – ее структуру и характер преступности. По сведениям Генеральной прокуратуры РФ, экологических преступлений зарегистрировано в 2013 – 24 728 (-10,35 %), 2014 – 25 526 (+3,23 %), 2015 – 24 856 (-2,62 %), 2016 – 23 688 (-4,70 %), в 2017 – 24 379 (+2,9 %). В январе–ноябре 2018 г. зарегистрировано 22,3 тыс. экологических преступлений, что на 1,8% меньше, чем за такой же период 2017 г.²

«Признак *системности и структурности экологической преступности* проявляется через ее специфическое, сложное внутреннее устройство взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, соотношение групп и видов внутри сложного устройства экологической преступности» [10].

Ключевым моментом в криминологическом исследовании экологической преступности является достоверная качественно выверенная «количественная оценка, основанная на результатах анализа статистических данных» [23]. Она должна отвечать «качествам полноты, достоверности, научной обоснованности, своевременности предоставления и общедоступности, чтобы не приводить к ошибкам и искажениям в выдвигаемых учеными гипотезах, научных предположениях» [10]. Ученые справедливо указывают на ничтожность и малорезультативность данных о фактически совершаемых экологических преступлениях, которые лишь фиксируют направленность усилий по выявлению и пресечению отдельных видов экологических преступлений [24; 25]. Данные практики и судебной статистики расходятся, что свидетельствует «о конструктивных недостатках системы экологических преступлений» [26], «за исключением отдельных составов, эти сведения демонстрируют несовершенство уголовного закона» [27; 28]. «Когда качественные и количественные показатели экологической преступности рассредоточены в сводках и отчетах зачастую независимых друг от друга ведомств и учреждений, включая относительно закрытые и секретные службы, и отсутствует единый орган, анализирующий такие сведения, это, как справедливо отмечено, затрудняет целостную оценку» [28].

«В структуре экологической преступности наибольший удельный вес экологических преступлений составляет незаконное повреждение или уничтожение отдельных компонентов среды, в котором большая их часть относится к категории небольшой и средней тяжести, а разрыв в численности совершаемых экологических преступлений объясняется характеристиками конкретных природных территорий» [10].

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/>
² Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/15304733>

В структуре экологической преступности наибольшее внимание необходимо уделить профессиональной экологической преступности, которая отличается наибольшими масштабами, высокой общественной опасностью, интенсивностью, специфичностью средств и способов совершения деяний, силой, напряженностью воздействия. Профессиональную экологическую преступность необходимо рассматривать как посягающую на национальную безопасность. Субъекты профессиональной экологической преступности — это должностные лица, наделенные «функциями планирования, распределения, управления и контроля в вопросах взаимодействия общества и окружающей среды, формирующие статистику по вопросам охраны окружающей среды, природоохранной деятельности, уполномоченные принимать решения на уровне расстановки приоритета между экономическим и экологическим интересом» [10].

«Одним из важнейших средств предупреждения экологической преступности является реализация конституционных прав на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. Однако до настоящего времени единого понятия информации о состоянии окружающей среды законодателем не сформулировано» [29], а Россия до сих пор не присоединилась к Конвенции Европейской экономической комиссии ООН о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция 1998 г.), возводящая информационные требования в ранг главных средств экологической политики государства. Если общественность будет иметь возможность контролировать важные административные действия и решения, то это окажет самое позитивное антикриминогенное воздействие.

«Государствам и правительствам этих стран часто не хватает возможностей противостоять хорошо организованным преступным элементам» [30]. Поэтому крайне важен международный опыт взаимодействия различных государств по вопросам борьбы с экологической преступностью. Россия, не участвуя в решении проблем международной безопасности, лишает себя ресурсов предупреждения экологической преступности. «Это препятствует нашей способности участвовать в решении вопросов изменения климата, отказа от химических веществ, разрушающих озоновый слой и др.» [31-34]. Ситуация осложняется коррупционной составляющей. В этих условиях окружающая среда часто становится жертвой финансовых интересов бюрократов, политиков и бизнесменов [35].

Это отдельные элементы криминологической характеристики современной экологической преступности, опорные точки, которые позволяют рассматривать решение выявленных проблем через коэволюционный подход предупреждения экологической преступности. Его суть и содержание сводятся к следующему. Природа — основа существования человека. Концепции взаимодействия человека и природы [36] имеют существенное значение для разработки методологических оснований формирования и развития отраслей и институтов права, предусматривающих средства обеспечения экологически благополучного состояния человека или поддержания благоприятного состояния природы. Эколого-правовой дискурс выделяет несколько концептуальных подходов такого взаимодействия. «*Экоцентристский подход* — в общем контексте взаимодействия общества и природы, когда целью природоохранной деятельности является необходимость сохранения природы в целом, как обладающей самоценностью. *Биоцентристский подход* — предметом исследования является животный и растительный мир, биологическая составляющая природы. *Антропоцентристский подход* — охрана природы должна осуществляться для поддержания или создания благоприятных экологических условий жизни человека, как высшей ценности» [36].

Глобальные изменения в современном мире вызывают объективную потребность в разработке новых правовых способов обеспечения разумности и безопасности в отношениях между человеком и природой. Остается концептуально не разрешенным вопрос: что первично — защита человека или природы.

«В настоящее время в западной доктрине под влиянием многих факторов, в том числе потребности преодоления экологического кризиса», сформирована «экоцентристская экологическая культура, которая характеризуется следующими признаками. Высшую ценность представляет гармоничное развитие человека и природы. Природное признается изначально самоценным, имеющим право на существование “просто так”, вне зависимости от полезности или бесполезности и даже вредности для человека ... Этические нормы и правила равным образом распространяются как на взаимодействие между людьми, так и на взаимодействие с миром природы. Деятельность по охране природы продиктована необходимостью сохранить природу ради нее самой» [37].

Как справедливо отмечал Н.Ф. Реймерс, «для человека его самооценочность очевидна. Но в то же время без сохранения целостности биоты Земли, экологического баланса на ней при изменении планетарных условий жизни, превышающих генетические возможности человека к адаптации, трудно ожидать, что люди как вид могли существовать. Несохраниение природы Земли означает гибель для человечества» [38].

С принятием Декларации прав и свобод человека появилась обоснованная потребность формирования эколого-правового статуса человека и гражданина, выделения основных экологических прав. В 1993 г. Конституция РФ, хотя и провозглашает человека высшей ценностью, регламентирует его естественные и неотъемлемые права: на жизнь, на благоприятную окружающую среду и др., также предусматривает норму о природе, служащей основой для жизни и деятельности человека. Основной Закон рассматривает человека и природу как взаимообусловленные части одного целого, развитие и охрана которых видится через коэволюционный подход [39-41], в основе которого понимание коэволюции – механизма взаимообусловленных изменений элементов, составляющих развивающуюся целостную систему. Такое концептуальное понимание взаимодействия человека и природы позволит пересмотреть приоритеты экологической политики государства и, следовательно, программ и стратегий, которые в современный период не отвечают коэволюционному подходу. Мы полагаем, что именно коэволюционный подход отвечает современным реалиям предупреждения экологической преступности.

Козволюционный подход содержит в себе принцип взаимообусловленности и баланса в сохранении природы и удовлетворении потребностей человека, что имеет важное теоретическое и практическое значение в формировании механизма предупреждения экологической преступности.

Мы согласны с тем, что «для предупреждения экологических преступлений решающее значение имеет ограничение сфер и силы действия, а по возможности – и устранение порождающих их экономических противоречий и диспропорций. Именно на базе хорошо просчитанных, научно обоснованных, ресурсообеспеченных мер экономического характера можно восстановить равновесие в системе “человек (общество) – природа”, уберечь окружающую среду от масштабных противоправных посягательств на нее, сохранить ее для будущих поколений. Особенно это касается добывающих, металлургических, энергетических отраслей промышленности, интенсивно воздействующих на среду обитания» [42].

Для это необходимо, чтобы деятельность по борьбе с экологической преступностью вошла в число приоритетных направлений, наряду с экономической, коррупционной и корыстно-насильственной преступностью. Поскольку масштабы экологической преступности и ущерб, причиняемый ею, явно недооцениваются. Например, объем контрабанды животных и растений приравнивается к обороту наркотиков по доходности.

Козволюционный подход предупреждения экологической преступности требует более детального рассмотрения с акцентированием внимания на создании единой концепции предупреждения экологической преступности, включающей в себя меры противодействия, направленные на решение следующих задач:

- устранение противоречий между природно-ресурсными и природоохранными нормами законодательства Российской Федерации, а также между законодательством в области охраны окружающей среды и нормами иных отраслей права;
- обеспечение реализации законодательных актов путем принятия подзаконных нормативных правовых актов, необходимых для полноценного применения федеральных законов;
- правовое закрепление необходимости представления экологического обоснования деятельности хозяйствующих субъектов как одного из обязательных условий при проведении конкурсов, тендеров, аукционов на право реализации и (или) выбора проектов;
- развитие системы государственных стандартов Российской Федерации в области охраны окружающей среды, закрепление в правовой системе Российской Федерации международных экологических стандартов, обеспечивающих снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду;
- гармонизация законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды и норм международного права в этой области в рамках обязательств Российской Федерации по международным договорам;
- развитие и активизация судебных механизмов разрешения противоречий между интересами населения, субъектов хозяйственной деятельности и государства в области охраны окружающей среды;
- укрепление системы прокурорского надзора и реализация мер прокурорского реагирования в области охраны окружающей среды;

- совершенствование методик расчета и практики компенсации ущерба в результате экологических правонарушений и (или) осуществление экологически опасных видов деятельности;
- обеспечение применения механизмов прекращения незаконной деятельности хозяйственной и иной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Waleed M. Sweileh, Samah W. Al-Jabi, Ansam F. Sawalha, Adham S. Abu Taha, Sa'ed H. Zyoud Bibliometric analysis of medicine-related publications on poverty (2005–2015) // Springerplus. 2016. 5(1). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5084147/>
2. Cyber Security Threats for 2017 // Master of Science in Cyber Security. URL: <https://onlinedegrees.sandiego.edu/>
3. Xiaoxu Wua, Yongmei Lub, Sen Zhouc, Lifan Chena, Bing Xuacd Impact of climate change on human infectious diseases: Empirical evidence and human adaptation // Environment International 2016. Vol. 86. P. 14-23. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160412015300489>
4. Rachael Revesz. Earth Overshoot Day: Mankind has already consumed more natural resources than the planet can renew throughout 2017/ Grim milestone falls earlier in calendar than ever before // 2017. 2 August. URL: <http://www.independent.co.uk/news/science/earth-overshoot-day-2-august-2017-year-planet-natural-resources-clean-water-soil-air-pollution-wwf-a7872086.html>.
5. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004. С. 150.
6. Ферри Э. Уголовная социология / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2005. Т. VII. С. 307.
7. Бенгам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РосПЭн, 1998.
8. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов. 3-е изд. перераб. и доп. М., 2007 г. С.755.
9. Кудрявцева В.Н. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2010. С. 797.
10. Лукомская А.С. Уголовно-правовая охрана экологической безопасности и экологического правопорядка: монография / науч. ред. Л.Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2017. 184 с.
11. Джунусова Д.Н. Экологическая преступность и ответственность за экологические преступления, 2012 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Дворецкий М.Ю., Краснослободцева Н.В. Проблемные аспекты борьбы с экологическими преступлениями: вопросы теории и правоприменительной практики // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 68-70.
13. Басаев Д.В. Охрана лесов: уголовно-правовые и криминологические аспекты (по материалам Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 23.
14. Дзиковская С.Г. Состояние и структура экологической преступности в России и проблемы ее профилактики // Экология и уголовное право: поиск гармонии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Геленджик, 6-9 октября 2011 г.). Краснодар, 2011. С. 79.
15. Корнева Л.С. Расследование незаконной добычи водных животных и растений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 4.
16. Максимов А.М. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности животного мира: концептуальные основы и перспективы оптимизации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 114.
17. Акутаев Р.М. Латентная преступность: актуальные проблемы и понятие // Государство и право. 1997. № 12. С. 80-88; Его же. Некоторые аспекты борьбы с искусственной латентной преступностью // Государство и право. 1999. № 3.
18. Donald Elliott E. Environmental TQM: Anatomy of a Pollution Control Program That Works. Vol. 92.
19. Michigan Law Review. 1994. P. 1840, 1844.
20. Lakshman Guruaswamy. Integrated Environmental Control: The Expanding Matrix // Environmental Law. 1992. Vol. 22. P. 77, 83-87.
21. Cass R. Sunstein. Paradoxes of the Regulatory State // University of Chicago Law Review. 1990. Vol. 57. P. 407, 411.
22. Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 20. С. 538-540.
23. Виноградова В.Е. Экологические преступления: вопросы квалификации и юрисдикции. URL: https://ridero.ru/books/ekologicheskie_prestupleniya_voprosy_kvalifikacii_i_yurisdikcii/
24. Викторов Д.В. Уголовная ответственность за преступления против экологической безопасности и природной среды // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 23-26.
25. Кочергин Г.М., Костыря Е.А., Минаев В.В. Криминологическая характеристика незаконной рубки лесных насаждений в контексте проблем противодействия экологической преступности // Российский следователь. 2012. № 14. С. 34-39.
26. Плешаков А.М. Уголовно-правовая борьба с экологическими преступлениями: теоретический и прикладной аспект: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1994 С. 14.
27. Попов И.В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 5.

28. Короткова А.П. Ответственность за преступления, посягающие на растительный мир (флору): законодательная регламентация, проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
29. Татьяна Л.Г., Лукомская А.С. Об ответственности за сокрытие и искажение информации о состоянии окружающей среды // Вестник Южно-Уральского гос. университета. Сер. Право, 2016. Т. 16, № 4. С. 39-44.
30. Solheim E. United Nations Under Secretary-General and UN Environment Executive Director. Reflections // Our Planet, the magazine of UN Environment. 2017. March С. 4-5. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/20259/Our%20Planet%20March%202017.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
31. Blakeslee S. Concentrations of Lead in Blood Drop Steeply // New York Times. 1994. July 27.
32. McGarity Th. O. Radical Technology-Forcing in Environmental Regulation. // Loyola of Los Angeles Law Review. 1994. Vol. 27/ P. 943, 947-952.
33. Council on Environmental Quality, United Nations Conference on Environment and Development: United States of America National Report. 1992. P. 197.
34. Commoner B. Making Peace with the Planet. 4-th ed. 1992. P. 22.
35. Stefes C., Weingartner K. Environmental crime in Armenia: A case study on mining. A study compiled as part of the EFFACE project. Berlin: Ecologic Institute, 2015. URL: http://efface.eu/sites/default/files/EFFACE_Environmental%20crime%20in%20Armenia_A%20case%20study%20on%20mining
36. Бринчук М.М. Экологическая политика: природа и человек как общественная ценность // Экологическое право. 2016. № 3. С. 5-9.
37. Ясвин В.А. История и психология формирования экологической культуры. Удобно ли сидится на вершине пирамиды? / отв. ред. В.М. Захаров. М.: Наука, 1999. С. 34-35.
38. Реймерс Н.Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. М.: Россия молодая, 1994. С. 11.
39. Тимофеев-Ресовский Н.В. Биосфера и человечество // Бюллетень ЮНЕСКО. 1968. № 1.
40. Моисеев Н.Н. Экология человечества глазами математика (Человек, природа и будущее цивилизации). М.: Молодая гвардия, 1988. 254 с.
41. Урсул А.Д. Путь в ноосферу: (Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации) / Российская академия управления и др. М.: Луч, 1993. 275 с.
42. Шеншин В.М. Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений // Экологическое право. 2017. № 4. С. 33-37.

Поступила в редакцию 02.02.2019

Лукомская Анастасия Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: nastasia5555@mail.ru

A.S. Lukomsкая

CO-EVOLUTIONARY APPROACH TO THE PREVENTION OF ENVIRONMENTAL CRIME

The purpose of the study is to find the most promising and effective approach to the prevention of environmental crime through the study of the concept and essence of the object of study, as well as the identification of problems of the existing system of measures to prevent environmental crime. It is noted that it is necessary to consider human and nature as interdependent parts of one whole, and their development and protection through a co-evolutionary approach, based on the understanding of co-evolution – the mechanism of interdependent changes of the elements that make up the developing integral system. Such a conceptual understanding of the interaction between man and nature will make it possible to revise the priorities of the state's environmental policy and, therefore, programs and strategies that in the modern period do not correspond to a co-evolutionary approach. The author believes that it is the co-evolutionary approach that meets the modern realities of the environmental crime prevention.

Keywords: Environmental crime, prevention of environmental crime, co-evolutionary approach.

Received 02.02.2019

Lukomsкая A.S., Candidate of Law, Associate Professor
at Department of Criminal Procedure and Law Enforcement
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: nastasia5555@mail.ru